

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Б.Н. МИРОНОВ

Гражданское общество в позднеимперской России: было или не было?

В статье оцениваются современное состояние дискуссии о развитии гражданского общества в России периода империи, книга “Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII–начале XX в.” и высказываются замечания об уровне самоорганизации российского общества.

Ключевые слова: добровольные ассоциации, гражданское общество, общественность, Россия, период империи.

In article the current state of discussion of historians about the development of voluntary associations and civil society in tsarist Russia and the book “Self-organization of the Russian public in the last third of XVIII – the beginning of the XX century” are considered, and remarks on level of self-organization of Russian society also are given.

Keywords: voluntary associations, civil society, citizenship, tsarist Russia.

Недавно увидело свет обобщающее исследование о развитии российского гражданского общества начиная с царствования Екатерины II и до революции 1917 г. [Самоорганизация... 2011]. Это результат работы коллектива из одиннадцати историков. Большая заслуга, несомненно, принадлежит редактору сборника – А. Тумановой: в ее активе общий замысел книги и четверть текста, в том числе введение с постановкой проблемы, заключение, подводящее итоги, и четыре ключевые главы, одну из которых она написала в соавторстве.

Потребность в книге, подводящей промежуточные итоги изучения гражданского общества в имперской России, назрела. С начала 1990-х гг., когда такая работа началась, защищены десятки диссертаций и опубликованы более сотни исследований, включая монографии.

Квалифицированный и авторитетный авторский коллектив включает ведущих историков по данной проблеме, опубликовавших по одной, две и более книг, не считая многих статей. В сущности, здесь они подводят итоги своей многолетней работе. Если бы в числе авторов оказались Г. Ульянова и А. Корелин, то, пожалуй, все главные российские специалисты по добровольным общественным ассоциациям периода империи были бы представлены. Из зарубежных экспертов участвует только

Дж. Брэдли. Этот недостаток отчасти компенсируется тем, что во введении редактор довольно много внимания уделил анализу зарубежной историографии. Кроме того, в 2007 г. в России был опубликован сборник докладов 11 участников “круглого стола” по проблеме “Гражданская идентичность в поздней имперской России” на VI Всемирном конгрессе славистов, среди которых были только три россиянина [Гражданская... 2007]. Этот сборник обобщил исследования преимущественно зарубежной историографии. В результате мы имеем две коллективные работы, дающие представление о том, что сделано и что еще нужно сделать в изучении истории гражданского общества в России.

Коллективная монография включает введение, 14 глав, заключение, указатель имен, указатель общественных организаций и сведения об авторах. Во введении объясняются задачи, определяются ключевые понятия “гражданское общество” и “общественность”, рассматриваются спорные проблемы в российской и зарубежной историографии. *Гражданское общество* понимается как совокупность некоммерческих добровольных самодетельных и самофинансирующихся общественных организаций, преследующих общественно полезные задачи (но не-политические и не-экономические) – просвещение, социальное обеспечение, развитие медицины, науки, культуры, а *общественность* – как “передовая образованная часть общества”. Именно деятельность общественных организаций стала предметом рассмотрения авторов книги, а “замысел работы состоит в изучении процесса самоорганизации российского общества, сформировавшегося в имперский период истории и приобретшего в его последние десятилетия развитые формы” [Самоорганизация... 2011, с. 9, 11].

В соответствии с замыслом в первой главе дается характеристика российской общественности и основных этапов ее развития (В. Гросул). Во второй главе рассматривается законодательство об общественных организациях, в рамках которого происходила ее институционализация (А. Туманова). Третья глава посвящена типологии добровольных обществ (А. Туманова), а последующие главы – истории важнейших типов общественных организаций: благотворительных (А. Туманова), сельскохозяйственных (О. Елина), педагогических (И. Зубков), литературно-художественных (А. Туманова и И. Розенталь), женских (П. Щербинин), научных (А. Иванов и А. Степанский), просветительных, конфессиональных и национальных (Д. Раскин) и клубов (И. Розенталь). В специальной главе рассмотрены политика, общественная мысль и законодательство по вопросу свободы вероисповедания (А. Сафонов). Необходимо отметить, что, помимо общего историографического очерка во введении, некоторые главы также снабжены историографическими обзорами. Благодаря этому важнейшие сочинения по проблеме если не проанализированы, то, по крайней мере, упомянуты.

Словом, впервые мы имеем попытку комплексного анализа деятельности важнейших типов общественных ассоциаций в России с конца XVIII в. по 1917 г. Замысел столь масштабен, что справиться с ним в рамках одной книги затруднительно, особенно учитывая молодость данного направления в историографии. Ответив на одни вопросы, авторы поставили новые, еще более трудные. Не обошлось и без некоторых противоречий, что неизбежно в большом коллективе. Позволю себе высказать несколько соображений.

Принятые определения гражданского общества и добровольных ассоциаций, до некоторой степени применимые для развитого правового государства с длительными демократическими традициями, на мой взгляд, не годятся для России периода империи. Недостаточно мотивировано исключение из анализа ассоциаций, связанных с церковью: религиозных братств, церковных исторических (историко-археологических) обществ, Православного палестинского общества с отделами почти в каждой губернии, обществ хоругвеносцев, любителей церковного пения, православных русских женщин. Они занимались миссионерской деятельностью, распространяли православные взгляды и религиозную литературу, развивали чувство патриотизма, изучали историю церкви и религиозной жизни, помогали русским паломникам ездить на богомолье в Святые места, устраивали церковные праздники.

Церковный приход также можно рассматривать как общественную веселостную организацию верующих. В 1914 г. в Российской православной церкви насчитывалось

41 270 церковных приходов. При крепостном праве для податного населения это была принудительная организация, к которой приписывался конкретный человек, обязанный там креститься, исповедоваться, причащаться, венчаться, быть отпетым. После Великих реформ приход эволюционировал в сторону добровольной ассоциации вследствие большой мобильности населения и освобождения от круговой ответственности – в 1866 г. городских обывателей и в 1903 г. крестьян. В результате приходской реформы 1869 г. примерно в половине приходов (в начале XX в. в 19,7 из 41,3 тыс. приходов) были созданы церковно-приходские попечительства, которые во многих случаях функционировали достаточно успешно: занимались благотворительной деятельностью, на собранные ими деньги возводились храмы, школы, больницы. При церквях действовали церковно-приходские советы, которые устраивали собрания прихожан для обсуждения вопросов о попечительстве бедных, нравственном, умственном и религиозном воспитании прихожан, занимались вопросами ремонта церквей. В городах было несколько приходов; в них имелись советы, которые координировали деятельность, проводя общие собрания членов всех церковно-приходских советов данного города.

Не могу согласиться и с мнением Тумановой, что дворянские общества не являлись элементами гражданского общества, так как они якобы не были добровольными, способствовали сохранению самодержавно-монархического строя и замкнутости и избранности дворянства, воспроизводили систему подданства, а не гражданства [Самоорганизация... 2011, с. 168]. Членами дворянских обществ действительно могли быть только потомственные дворяне, но они добровольно, по собственному усмотрению участвовали в их деятельности. В 1831 г. Николай I признал участие дворян в собраниях обязанностью, уклонение от которой каралось штрафом и временным исключением из собрания. Но это постановление не имело серьезных последствий: абсентеизм по-прежнему был широко распространен, общественные мероприятия, включая выборы, редко привлекали более половины из лиц, имевших на это право. Замкнутость сословия была относительной, поскольку оно воспроизводилось главным образом благодаря притоку неблагородных: именно социальная мобильность обеспечивала рост численности дворянства в первой половине XVIII в. примерно на 30%, во второй половине XVIII в. – на 40%, в первой половине XIX в. – на 50%. К середине XIX в. “новое дворянство”, получившее статус за службу, составляло около 59% сословия, на рубеже XIX–XX вв. – 66% [Миронов, 2003, т. 1, с. 133].

Что касается избранности, то она была присуща и некоторым общесословным добровольным ассоциациям в пореформенное время (вторая половина XIX–начало XX в.). Членами многих обществ были главным образом образованные и состоятельные люди и учащаяся молодежь, также происходившая в значительной степени из привилегированных слоев. Даже в самых демократических обществах, за исключением кооперативов и церковных приходов, редко можно было встретить мещан, ремесленников, рабочих или крестьян – участие в обществах требовало средств (хотя бы для уплаты членских взносов), грамотности, приличной одежды и досуга, чего перечисленным группам населения всегда недоставало. Вследствие этого новые ассоциации выделяли из населения привилегированный слой (теперь, правда, не по сословному, а по экономическому признаку), создавая новую сегрегацию в обществе, тормозили создание условий для возникновения массовой культуры, которая игнорирует особенности классовых, региональных или религиозных субкультур.

В пореформенное время дворянские общества часто были центрами политической оппозиции, что отнюдь не способствовало сохранению самодержавно-монархического строя [Миронов, 2011, с. 63–84]. Так называемая дворянская фронда оставила позитивный след в политической культуре обновлявшегося общества. Ее лидеров отличала не примитивная реакционность, а консервативное реформаторство, направленное на законодательное ограничение произвола бюрократической власти. В своих наиболее последовательных выступлениях дворянские консерваторы близко подходили к идеям умеренного либерализма. Но даже если бы дворянские общества в пореформенное время и способствовали сохранению самодержавно-монархического строя, это не может быть

аргументом для исключения их из числа добровольных ассоциаций, так как в истинном гражданском обществе граждане имеют право создавать организации ради защиты любой идеологии, не запрещаемой законом, в том числе монархии, что и наблюдается, например, в современной России. Наконец, признавая, что участие дворян в своих собраниях способствовало выработке у них опыта самоуправления и самоорганизации, спланивало и консолидировало их, Туманова выбивает почву из-под собственного утверждения, что в дворянских обществах воспроизводилась система подданства, а не гражданства.

По моему мнению, тайные политические и религиозные ассоциации, объединявшие граждан, не лояльных к существовавшему политическому режиму и официальной Православной церкви, также следовало включить в число добровольных общественных организаций. Они существуют главным образом в государствах, где отсутствуют либо ограничены политические и религиозные свободы, к которым относилась Россия по крайней мере до 1905 г. Цели политических ассоциаций варьировали от пропаганды либеральных, радикальных и других оппозиционных идей до изменения политического строя. Религиозные ассоциации консолидировали и защищали единоверцев и создавали возможности для отправления культа. Старообрядческие общины, возникшие во второй половине XVII в., масонские ложи, появившиеся в России в 1730-е гг., и декабристские общества – типичные для России тайные религиозные и политические ассоциации. Особенно популярны были религиозные организации, объединявшие миллионы россиян. По переписи 1897 г. одних старообрядцев насчитывалось в империи 2,2 млн человек [Первая... 1905, с. 92]. В рассматриваемом коллективном труде есть глава “Русское общество в вероисповедном срезе” (А. Сафонов), но нет даже параграфа, посвященного религиозным ассоциациям.

Туманова выделяет в специальную группу экономические общества, куда относит сельскохозяйственные и торгово-промышленные организации [Самоорганизация... 2011, с. 228–231]. Но в ней не нашлось места кооперативам, поэтому и в книге нет раздела, им посвященного, хотя есть специальная глава о сельскохозяйственных обществах. Кооперативы имели целью помогать своим членам хранить сбережения, выгодно их вкладывать, сужать необходимые для торговых и промышленных оборотов капиталы, защищать интересы отдельных социальных и профессиональных групп, страховать и охранять имущество: ссудо-сберегательные кассы, общества взаимного кредита, общества взаимного вспомоществования, общества потребителей и общества взаимного страхования от огня. С точки зрения членства, это были наиболее демократические ассоциации – в их состав входили мещане, ремесленники и крестьяне [Корелин, 2009].

Гражданское общество рассматривается в книге как “третий” сектор общественной жизни, его ниша находилась между властью и бизнесом [Самоорганизация... 2011, с. 6–9]. Сектор играет роль посредника между личностью и различными экономическими и политическими институтами и дает возможность группам людей, объединенных в ассоциации, решать свои проблемы и реализовывать свои не-политические и не-экономические интересы, которые не в силах удовлетворить государство и другие традиционные структуры. Однако теоретики гражданского общества, на которых ссылается Туманова, имеют в виду развитое правовое государство с развитым гражданским обществом, где политические интересы разных социальных групп выражают политические партии, экономические интересы – профсоюзы и предпринимательские организации, а оставшиеся не-политические и не-экономические интересы – добровольные общественные ассоциации. В дореволюционной России ситуация была иная: добровольные организации выполняли функции не только зафиксированные в их уставах, но неявным или скрытым образом прямо запрещенные законом. Как установили авторы сборника [Самоорганизация... 2011, с. 412–413, 424, 492, 569–570, 578, 643, 644, 673, 674, 678, 690, 736, 791, 800], почти все ассоциации были вовлечены в политическую деятельность, многие – в экономическую [Самоорганизация... 2011, с. 227, 231, 373], а между тем, по определению, они не должны были этим заниматься.

Поскольку добровольные общества зачастую осуществляли латентные функции, одновременно преследуя различные цели, во многих случаях в принципе затрудни-

тельно провести четкую границу между ними по роду деятельности. Именно стремление ассоциаций к реализации неуставных задач, в особенности политических, служило главной причиной их конфликтов с государством, которое последовательно и в соответствии с законом запрещало неуставную деятельность. “Общества являлись одновременно союзниками государства, однако в целом ряде случаев они выступали и его соперниками и даже противниками, когда речь шла об участии общественных организаций в политических акциях и их стремлении интегрироваться в политическое общество” [Самоорганизация... 2011, с. 840].

Более того, политические претензии общественности освободить публичную сферу от государственного контроля провоцировали государство на ограничение деятельности существующих ассоциаций и затрудняли возникновение новых. Как справедливо, на мой взгляд, признается в книге, неготовность населения страны “к обладанию широкой свободой общественной деятельности”, делала эти претензии “деструктивными” [Самоорганизация... 2011, с. 842].

При отсутствии конституции или в первые годы ее действия, когда права человека недостаточны – и *de jure*, и *de facto* – защищены и не могут в полной мере быть реализованы, гражданская сфера должна, по моему мнению, включать все виды добровольных ассоциаций, в том числе политические, экономические и профсоюзы, потому что люди не имели иной возможности реализовывать свои политические и экономические интересы. Принятые определения, с одной стороны, оставляют за пределами изучения тысячи кооперативов и православных церковно-приходских попечительств, политические партии, дворянские общества, рабочие организации. Но с другой стороны, вопреки принятым критериям, в число добровольных ассоциаций включаются сельскохозяйственные общества и предпринимательские организации, преследовавшие экономические выгоды, а также добровольные общества, тесно сросшиеся с государством и императорской фамилией или получавшие финансирование со стороны государства, которые правильно называются “полугосударственными” [Самоорганизация... 2011, с. 224, 263–264].

В разных главах по-разному оценивается состояние гражданского общества в начале XX в. В одних случаях говорится, что оно формируется, в других – уже сформировалось [Самоорганизация... 2011, с. 12, 22, 467, 842]. С одной стороны, это следствие нечеткости критериев, предложенных во введении [Самоорганизация... 2011, с. 12], с другой – по-видимому, результат разномыслия отдельных авторов. Убеждены в том, что гражданское общество сформировалось, пожалуй, только Туманова и Брэдди. Остальные авторы, в особенности Раскин, Степанский и Щербинин, скорее, склоняются к мысли, что оно находилось в процессе формирования и было слабым. Создается впечатление, что заключение, написанное Тумановой, несколько унифицирует мнения авторов. Ведь ни в их опубликованных ранее работах, ни в главах коллективной монографии, они не высказывают последовательно и определенно точку зрения, согласно которой в позднимперской России гражданское общество сложилось, было достаточно зрелым и активно действовало.

Я полагаю, прав именно редактор, и его взгляды с течением времени эволюционировали в верном направлении. В своих ранних работах Туманова не поднималась до утверждения, что генезис гражданского общества в России приходится на царствование Екатерины II, что в начале XX в. оно *сформировалось*, “являлось достаточно жизнеспособным” и добилось крупных успехов, что самодержавное государство подталкивало общественную самодеятельность, тем более что эта самодеятельность нуждалась в государственном контроле, без которого “трансформировалась в русло разрушительной работы” [Туманова, 1999, с. 15–16; 1996, с. 24–33, 133]. Лишь постепенно, под влиянием накопленных фактов и, не исключая, работающих в данной области коллег, Туманова откорректировала свое мнение о гражданском обществе, четко сформулированное в заключении коллективной монографии. А по вопросу о конфликте общественности и власти зашла настолько далеко, что отрицает конфронтационный характер политической культуры России конца XIX–начала XX в. [Самоорганизация... 2011, с. 839–842]. Если данное мнение действительно в полной мере

разделяют все авторы коллективной монографии, то это можно считать громадным прорывом в отечественной историографии, так как еще 20 лет назад некоторые историки считали проблему гражданского общества в условиях самодержавия “туфтой”, а сейчас многие, если не большинство, отрицают наличие гражданского общества в поздней имперской России.

Однако встает принципиальный вопрос о критериях, используемых для оценки зрелости общественной самоорганизации и гражданского общества в имперский период. Туманова предлагает четыре: наличие системы добровольных ассоциаций, правовой основы для их существования, идеологии (то есть признания в обществе важности их существования) и практических результатов от их деятельности [Самоорганизация... 2011, с. 12]. Перечисленным критериям не хватает четкости и количественной определенности. Неясно, как понимается системность, какое число добровольных ассоциаций и число их участников необходимо, чтобы они могли эффективно функционировать, что значит успешная деятельность. Вследствие этого открывается простор для различных и даже противоположных оценок, что в действительности и имеет место. Например, немецкому историку Л. Хэфнеру кажется более адекватным применительно к поздней имперской России понятие “местного общества”, чем гражданского, ввиду отсутствия сетей коммуникации на межрегиональном уровне [Хэфнер, 2007, с. 59–60]. Вряд ли стоит сводить гражданское общество исключительно к добровольным ассоциациям. При оценке зрелости гражданского общества принципиальное значение имеют отношения между “третьим сектором”, с одной стороны, и государством и экономическими структурами – с другой, наличие независимой прессы, сильного общественного мнения, коммуникативных практик между гражданским обществом и государством, сила и влияние гражданского общества, а также и дискурс о нем в прессе и общественной мысли. Важно принять во внимание и то, как гражданское общество участвовало в политическом процессе и в реализации его важнейших функций.

По моему мнению, высказанному еще в 1999 г., генезис гражданского общества относится к последней трети XVIII в., а к 1917 г. сформировались его основные элементы: масса добровольных общественных ассоциаций, критически мыслящая общественность, свободная пресса, независимое общественное мнение, политические партии, парламент [Мионов, 2003, т. 2, с. 262–263]¹. В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований общества к властным структурам и контроль над их реализацией посредством общественного мнения, прессы и тысяч добровольных ассоциаций. Поскольку последние составляли костяк гражданского общества, то было бы весьма интересно оценить их количество. В отдельных главах имеется немало данных о числе разного рода ассоциаций, их составе [Самоорганизация... 2011, с. 228, 230, 303, 333–335], деятельности, но все же авторы как будто намеренно избегали давать общие оценки.

Попытаюсь это сделать сам, ясно сознавая трудность такой задачи и приблизительность любых оценок. Если в середине XIX в. добровольных обществ насчитывалось несколько десятков, то накануне Первой мировой войны число всех видов добровольных ассоциаций (политических, экономических, религиозных, студенческих, профсоюзных, клубов) в империи без Польши и Финляндии превысило 51 тыс.: 19,7 тыс. православных церковно-приходских попечительств (считая по 1902 г.), 13 тыс. кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, 8,7 тыс. потребительских кооперативов, 4,7 тыс. сельскохозяйственных обществ, более 5 тыс. благотворительных обществ (4958 в 1898 г.)² и сотни ассоциаций другой специализации. Все вместе они включали миллионы членов – только кооперативы всех видов охватывали около 9 млн человек. Согласно новейшим исследованиям, кооперативы были важным элементом сформировавшегося гражданского общества. И в обеих столицах, и в особенности в

¹ Разумеется, приятно сознавать, что мое предположение нашло поддержку.

² Вместе с 6278 благотворительными заведениями, которые нельзя относить к добровольным ассоциациям, всех добровольных учреждений насчитывалось 11 040 [Ульянова, 2005, с. 258].

провинции они сыграли исключительно важную роль в подготовке и осуществлении Февральского переворота и в самоорганизации органов власти на местах после него [Лубков, 1997, с. 173–174]³.

Во время Первой мировой войны, воспользовавшись слабостью правительства, либеральная оппозиция под лозунгом помощи жертвам войны создала массу новых общественных ассоциаций, в том числе всероссийского масштаба, что ранее запрещалось: Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, Всероссийский союз городов, объединенный Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов (Земгор), Центральный военно-промышленный комитет. В 1915 г. сеть этих тесно связанных организаций покрыла всю Россию [Юрий, 1990]. Набирали силу добровольные ассоциации буржуазии. Десятки биржевых обществ, съездов промышленников, обществ фабрикантов и заводчиков лоббировали региональные и отраслевые интересы предпринимателей перед государством и рабочими [Шепелев, 1987, с. 74–117, 257–258]. За время войны число добровольных организаций, если ориентироваться на увеличение количества кооперативов (с 26,5 тыс. до 63–64 тыс.) существенно возросло. Даже в случае неизменности количества ассоциаций других видов, все равно к осени 1917 г. их общее число превысило 90 тыс., охватив до половины взрослого мужского населения страны [Благотворительные... 1900; Корелин, 2009, с. 366, 380, 385; Тюкавкин, Щагин, 1987, с. 8; Ульянова, 2007, с. 110, 118; Справочные... 1916, с. 44]⁴. Добровольные ассоциации образовывали систему благодаря тому, что во многих случаях их деятельность координировалась в региональном и даже всероссийском масштабе.

Политический процесс в пореформенный период претерпел кардинальные перемены. Социализация, рекрутирование элиты, коммуникация, артикуляция и агрегация интересов, определение и осуществление политического курса, вынесение судебных решений перешли от разного рода коронных учреждений, традиционных институтов и органов сословного управления к средствам массовой информации, добровольным ассоциациям, парламенту, политическим партиям, школе всех уровней и литературе. Сдвиг в соотношении сил в пользу общественности вызвал, с одной стороны, опасение императора потерять свое доминирующее положение в управлении государством, с другой – желание общественности сначала разделить власть с царем и его правительством пропорционально фактическому соотношению сил, а затем и полностью устранить монарха из политического процесса. На этой почве между ними, естественно, возникло противостояние, в основе которого лежала борьба за власть. В этой конфронтации общественность использовала для достижения своей политической цели все виды добровольных ассоциаций – вопреки их уставам! – навязав им исполнение не свойственной им политической функции.

Сказанное дает основание для заключения, что гражданское общество к 1917 г. в общих чертах сформировалось. Оно было настолько сильным, что в 1905 г. ему удалось трансформировать самодержавие в дуалистическую конституционную монархию, а в феврале 1917 г. ее свергнуть. В то же время оно было незрелым, так как не смогло исключить революционное, то есть силовое решение конфликтов между обществом и государством. Незрелость, на мой взгляд, объяснялась фрагментацией общества и конфликтным характером российской политической культуры. По утверждению политологов, “в консенсусных политических культурах обычно существует согласие между гражданами по поводу соответствующих механизмов принятия политических решений, а также по поводу важнейших проблем, стоящих перед обществом, и путей их разрешения. В конфликтных политических культурах представления граждан резко расходятся, причем такие расхождения часто касаются как легитимности режима, так и путей разрешения важнейших проблем. Если в стране налицо глубокие расхож-

³ К 1917 г. Россия занимала одно из первых мест в мире по уровню развития кооперативного движения.

⁴ Некоторые исследователи, например А. Лубков, полагают, что именно потребительские кооперативы сыграли главную роль в реорганизации местного управления после Февраля 1917 г.

дения в политических установках, и они сохраняются в течение долгого времени, в ней могут развиваться особые субкультуры. В рамках таких субкультур граждане могут придерживаться резко различающихся между собой точек зрения, по крайней мере на некоторые важнейшие политические вопросы, скажем, на вопрос о национальных границах, о природе режима или о правильной идеологии” [Алмонд... 2002, с. 104].

Россия представляла собой типичный образец конфликтной политической культуры, так как в период империи сложились раздираемые противоречиями двухкультурный социум, трехполюсная (правые, левые и центристы) общественность и конфликтная политическая культура. В этом вопросе я расхожусь с Тумановой, полагающей, что “взгляд на политическую культуру Российской империи как конфронтационную, основанную на протигворстве сильного государства и его слабых и политически незрелых оппонентов-подданных, не способных к самоорганизации”, не соответствовал российской действительности [Самоорганизация... 2011, с. 841].

Напомню, что в ходе вестернизации дворянство усвоило западную культуру, а остальные сословия в основном сохранили верность традиционной русской культуре. В результате в рамках одного социума сложились прозападная высокая *письменная культура*, принадлежавшая дворянской элите и включавшая изящное искусство, классическую музыку, литературу и философию, и *традиционная*, по преимуществу устная народная культура простолюдинов, включавшая фольклор, сказки, песни и мифы. Две культуры различались не только эстетикой, но также системой ценностей и верований, представлениями о мире и правилами поведения. Отношения между ними даже трудно описать в терминах культура-субкультура, когда субкультура не отвергает культуру большинства, но лишь в той или иной мере от нее отклоняется.

Народная культура была контркультурой: она находилась в конфликте с культурой господствующего класса и утверждала нормы и ценности, ей противоречащие. Например, она скептически относилась к частной собственности, рынку как регулятору социальных отношений, личному успеху, активному и упорному труду, эффективному и рациональному поведению, прогрессу, богатству и науке. В результате в обществе возник культурный конфликт, или культурная асимметрия, и оно раскололось по культурному признаку на образованное меньшинство и народ, который в своем быту продолжал придерживаться традиционных ценностей. На этой основе в стране и сложилась конфликтная политическая культура [Миронов, 2009, с. 391–430]. Ее ярким проявлением можно считать непримиримый характер борьбы, с одной стороны, между монархией и общественностью, с другой – между либеральной и социалистически настроенной общественностью, ориентировавшейся буквально на уничтожение соперника.

Незрелость гражданского общества усматривается также в относительной малочисленности добровольных ассоциаций и числа их членов и, что не менее важно, в слабой их активности. Отдельные ассоциации составляли от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Так, в городах Казанской губернии пореформенного времени источники зафиксировали около 100 ассоциаций, включавших в свои ряды от 60 до 1157 человек, в губернском городе Тамбове в конце XIX–начале XX в. действовало 69 ассоциаций численностью от нескольких десятков до тысячи членов [Туманова, 1999, с. 135]. Средняя численность двадцати казанских обществ в начале XX в. составляла 190 человек;⁵ все 100 обществ за 1861–1914 гг. вовлекли в свой состав менее 24 тыс. членов; при этом многие, в особенности почетные члены и учредители, участвовали одновременно в нескольких обществах. Даже в больших городах, например Казани со 190 тыс. человек населения, в начале XX в. в списках всех элитных клубов и обществ числились лишь около 2 тыс. человек, то есть менее 5% совершеннолетнего мужского населения города. Интересно, что это примерно соответствовало доле цензовых граждан, имевших избирательные права по выборам в земства, городские думы и Государственную думу.

⁵ Подсчитано мною по [Зорин, Клошина, 2000, с. 416–467].

В последующие годы число ассоциаций и их членов стремительно росло, особенно в столицах, но все равно существенно отставало от развитых стран. В Австро-Венгрии в 1856 г. насчитывалось 2234, а в 1910 г. – 85 тыс. ассоциаций [Хэфнер, 2007, с. 467, 480, 494] на 53 млн жителей (1914 г.), то есть на 1000 человек населения в 3,2 раза больше, чем в России. В США, которые считаются страной добровольных ассоциаций, они появились в начале XVII в. вместе с белыми колонистами. В 1835 г., по утверждению А. де Токвиля, ни в одной стране мира принцип ассоциации не применялся так успешно и не охватывал столько людей, как в Америке. В современных США более 75% взрослых американцев обоего пола входят по крайней мере в одну из них [Смелзер, 1994, с. 172].

Имеющиеся пока немногочисленные сведения позволяют говорить о слабой активности членов организаций, большинство которых либо были “мертвыми душами”, либо предпочитали пассивно пользоваться услугами, предоставлявшимися ассоциациями, но игнорировали организационные мероприятия – обсуждение устава, отчетные собрания и т.п. Часто общие собрания за неимением кворума, требовавшего присутствия лишь трети членов, не проводились. Низкая активность подорвала бы нормальную деятельность ассоциаций, если бы в уставах не было пункта, что заседания, не состоявшиеся из-за отсутствия кворума, назначаются вновь и независимо от числа собравшихся принимают обязательные решения. Если основываться только на числе людей, вовлеченных в добровольные общественные организации, то СССР, может быть, и превосходил США. Только изучение практической деятельности добровольных обществ позволит решить, насколько это предположение верно. Отсюда понятно: повседневная жизнь добровольных ассоциаций – тема актуальная, только ее изучение даст нам адекватное представление о степени их активности, силе, влиятельности и успешности, так же как и о коммуникативных практиках между общественностью и государством.

Определение *общественности* как “передовой образованной части общества, мыслящей категориями общественного блага и прогресса”, реализующей “свою жизненную позицию в различных объединениях” и оспаривавшей “исторически принадлежавшую государству монополию на выражение интересов населения” [Самоорганизация... 2011, с. 9], мне представляется идеализацией, столь свойственной отечественным историкам, пишущим об интеллигенции. На самом деле, общественность – отнюдь не ангел, забывавший о земных нуждах. Она хотела власти, чтобы руководить модернизационным процессом, и стремилась на революционной волне свергнуть монархию. В политической борьбе за влияние над избирателями демократическая и либеральная оппозиция, как и ее оппоненты, использовала все доступные средства, включая инсинуации, запугивание, черный пиар и даже террор и, разумеется, все виды добровольных ассоциаций [Миронов, 2010, с. 600–605].

Известный государственный и общественный деятель В. Гурко писал в своих воспоминаниях о кадетской партии, собравшей под своим крылом цвет российской интеллигенции: “Роковой для ее собственной судьбы и для личной судьбы многих ее членов ошибкой партии и ее неизбежным грехом перед родиной была усвоенная ее лидерами тактика, а именно полная неразборчивость в средствах, при помощи которых они стремились достигнуть поставленной ими себе задачи... – захват власти в свои руки. В конечном результате цель, которая должна быть по существу служебной, а именно обладание властью ради осуществления известных реформ, превратилась во всепоглощающую. Наоборот, основные выставленные в программе партии цели превратились в служебные, имевшие в виду осуществление лишь одной задачи – завладение властью на плечах заманенной в ее ряды простодушной обывательской толпы” [Гурко, 2000, с. 497–498].

Мне кажется анахронизмом, когда на страницах книги, доказывающей, что в России в начале XX в. сформировалось гражданское общество, политический строй в России между 1905 и 1917 гг. называется самодержавным [Самоорганизация... 2011, с. 423, 728, 840].

Высказанные замечания не умаляют значения обсуждаемого труда. Легко критиковать, давать советы, рекомендации, высказывать соображения и очень трудно их реализовывать в исследовании. Думаю, все авторы прекрасно сознают недочеты, которые в первую очередь объясняются тем, что наших знаний в данный момент недостаточно для адекватной оценки состояния гражданского общества в России в период империи, что выявленные источники не позволяют ответить на важные вопросы.

Первое обобщающее исследование по истории гражданского общества в имперской России, несомненно, будет в течение достаточно долгого времени служить вехой в историографии. На него будут равняться, от него будут отталкиваться, его будут пытаться превзойти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002.

Благотворительные учреждения Российской империи: В 3 т. Т. 1. СПб., 1900 (в книге нет общей нумерации страниц).

Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая половина XIX–начало XX века. М., 2007.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

Зорин А.Н., Ключина Е. В. Общественные организации городов // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России: 1860–1917 гг. М., 2009.

Лубков А.В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997.

Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX в. М., 2010.

Миронов Б.Н. Историческая социология России. СПб., 2009.

Миронов Б.Н. Отмена крепостного права как пример образцовой российской реформы // Экономическая политика. 2011. № 2.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 2003.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. В 2 т. Т. 2. СПб., 1905.

Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII–начале XX в. М., 2011.

Смелзер Н. Социология. М., 1994.

Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год. Пг., 1916.

Туманова А.С. Неполитические общественные организации города Тамбова в начале XX века (1900–1917). Автореф. дисс... к.и.н. Воронеж, 1996.

Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999.

Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987.

Ульянова Г.Н. Благотворительная деятельность в Российской империи: XIX–начало XX века. М., 2005.

Ульянова Г.Н. Благотворительная деятельность в Российской империи как реализация идеи “гражданской сферы” // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая половина XIX–начало XX века. М., 2007.

Хэфнер Л. В поисках гражданского общества в самодержавной России: 1861–1914. Результаты международного исследования и методологические подходы // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая половина XIX–начало XX века. М., 2007.

Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.

Юрий М.Ф. Буржуазные общественные организации в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. (Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Земгор, Центральный военно-промышленный комитет). Автореф. дисс... д.и.н. Черновцы, 1990.